

Наталья Литвякова

12+

Нельзя красть у бога.

**Мистические и фэнтези истории
Натали Викторовны.**

Наталья Викторовна Литвякова

Нельзя красть у бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338922

SelfPub; 2020

Аннотация

В конце XVII века, в Ирландии при строительстве дороги пропал молодой Роури О'Кейли, сын деревенского кузнеца. Парень верил, что однажды найдёт пристанище бога Дагды – Ши Ан Бру. Тот самый курган, из которого вылетают феи в священную ночь Самайна. Сбежал он на поиски или, может быть, утонул в тёмных водах Бойна? Друзья, соседи больше не ищут пропавшего, и только кузнец да дочь местной знахарки не теряют надежду – юноша жив. Верить или нет? Добро или зло? Мечь или прощение? Пройти равнодушно мимо или помочь? Ответы на которые ищут на страницах сборника не только люди, но и существа, в которых можно верить или хотя бы подозревать, что они действительно живут рядом с нами.

Сборник мистических и фэнтези историй.

Ангел мой.

Думаете, ангелы не могут умереть? Небесные создания, бессмертие и всё такое? Такие вечные, добрые хранители своих подопечных... В общем-то правильно думаете. Не могут. Но в каждом правиле есть исключения, да.

Ангел может умереть, если согласен спасти своего подопечного от неминуемой смерти, в его так сказать, последний час. Ценой своей жизни. Другими словами, вдруг хранитель самоуверенно посчитал, что рано оборвётся нить судьбы человека, то пожалуйста – спасай, сколько угодно твоей ангельской душе. Осталось только не забыть, что это будет твоё последнее деяние.

Подсказать.

Беречь.

Облегчить переход в иной мир.

Охранять от случайности. Понятно, да? Если старуха с косой перепутала чего.

Не вмешиваться. Свобода воли и выбора человека. А что насчёт ангелов, а? Крутись, как хочешь, следуя противоречивым постулатам.

Чувствовать, но не любить.

Безмолвие.

Бесстрашие.

Не роптать.

Помнить о неизбежности.

Не спасать в момент истины.

Не спорить с судьбой подопечного.

Беспристрастность. Вот ваша сила. Да, да, да! Скажите мне об этом сейчас, когда я наблюдаю за ней. Вижу, как она напевает, собираясь в дорогу. Разглядывает билет с детским любопытством.

Моя подопечная.

Страх перед полётом в прошлом. Решилась. Чемодан у двери. Рукопись – о, это отдельная история – в папке, в ручной клади. И в ней всё дело. Бессонные ночи. Слезы. Сломанные ручки. Бездумные взгляды в окно. Заметки. Мятые листы в мусорной корзине.

Не первая моя подопечная, но такая – впервые.

#

Однажды мне вздумалось прочесть её историю. Ну, правда же интересно, столько нервов, эмоций – на что? О чём можно страдать, чему улыбаться, если просто выводить буквы? Очнулась, когда услышала, как открывается дверь. Еле успела обратиться в ветер и ускользнуть в форточку. Конечно, она испугалась. «Кто здесь?» – глаза на пол-лица, дрожит. Прижала бумажки к себе, будто отнимет кто.

Теперь я поняла. И про неё, и про себя тоже. Её книга должна увидеть свет. Успеет ли она решиться или так и будет писать в стол?

Успеет.

И мы почти успели. Но этот чёртов, прости-господи, са-

молёт!

Что же. Я знаю, на что иду, что буду делать. Ангел-хранитель я, или кто.

Не роптать.

Не спасать.

Не вмешиваться.

Чувствовать, но не любить.

А идите вы!

Посвистывая, спустилась вниз и вышла из дома. По-любому быстрее, чем она, доберусь до аэропорта. У подъезда на лавочке сидел Мишка. Знакомый. Ну, да, ангел. Если угодно – одноклассник или однокурсник, не суть.

– Не стоит, – вскочил, подошёл близко, – не нужно. У тебя их сотни будут!

– Не твоё дело, – удивительный факт, но он всегда мог разгадать меня на раз-два. И всегда – рядом. А кто просил? Пусть бы околачивался возле своих подопечных.

– Подумай, скольким ещё людям ты принесёшь пользы, помощи. А она...

– Она будет жить.

– Ты умрёшь, дура!

Я пожалала плечами.

Ангелы не могут умереть.

Хотя, конечно, есть исключения.

Самолёт взлетел.

Она сидела через два ряда от меня. Ничего не бойся, девочка, я с тобой. Мы набираем высоту.

7000.

8000.

9000.

– Дамы и господа! С вами говорит капитан корабля Виктор Григорьевич Янин. Высота нашего полёта... метров. Длина маршрута составляет... расчётное время прибытия в... по местному времени. Спасибо за внимание.

Я почти не слушала его.

Гораздо важнее, что происходило вовне.

На 49 минуте откажет двигатель. Вот тебе и концепция «плюс три/минус восемь»*.

45.

46.

47.

48.

Пора!

Я вздрогнула.

Крылья!

Тысячи маленьких пёрышек, ворсинка за ворсинкой, тысяча молекул, косточка за косточкой облепили, встроились

в металл.

Мои крылья – твои крылья. Мы с тобой одной крови... что за ерунда лезет в ответственный момент! Сейчас я просто птица. Парю в воздухе, удерживая тело в потоке. Не даю ему ни уйти в сторону, ни запороть носом облака.

– Борт 178! Отвечайте, что происходит?

Мы летим, не волнуйтесь. Плавно, плавно. Ещё минута, ещё. Почему люди не птицы? Почему они не... ну вот, опять. Сосредоточься! Черти спляшут на твоих костях, но позже. Слушай самолёт. Слушай себя!

Пульс взрывается в висках, рот наполняется кровью, искры. Тело рвётся по швам. Мне нужно чуть-чуть, совсем чуток времени, чтобы удержать самолёт, прошу! И будут кадры в новостях: воздушное судно, не смотря на техническую неисправность благополучно сядет.

Без жертв.

Почти.

На борту обнаружат тело неизвестной девушки. По документам – пассажиром рейса не является.

Господи, как больно!

Такая махина. Как они вообще летают?

Надо было физику учить, а не вот это вот всё:

Не роптать.

Не спасать.

Не вмешиваться.

Чувствовать, но не...

– Руку давай! Руку, балда! Слышишь?

Я с трудом повернула голову – Мишка. Тянет ладонь через проход. Я уже в раю? В нашем, ангельском?

– Вместе, ну! Давай же!

Секунды посыпались в вечность:

10

9

8

7

Дрожащие пальцы в реальности тянутся навстречу друг к другу.

6

5

4

3...

– Давай!

– Есть! – я с силой схватилась за его руку, словно за край земли, перед падением в пропасть.

Боль разделили пополам.

Чувствовать, но не...

Я видела душой, слышала сердцем, как она шептала небу: «Ангел мой, пойду с тобой, я – впереди, а ты – за мной». Ну

как её отдать смерти?

– Вместе! – через силу улыбается Мишка.

– Дамы и господа, прошу внимания. С вами говорит старший бортпроводник по поручению командира корабля. В связи с небольшой технической неисправностью мы вынуждены совершить аварийную посадку в аэропорту города... для устранения неполадок. Посадка произойдёт через тридцать минут.

Ангел мой, пойдем со мной, ты – впереди, я – за тобой.

– Вот ты всё-таки дура!

– От дурака слышу! Ты зачем притащился в самолёт? – мы выясняем отношения на скамейке в аэропорту.

Мишка отвернулся.

Беречь.

Охранять.

Спасать.

Чувствовать, но не...

Думаете, ангелы не могут любить?

Нельзя красть у бога.

Предисловие.

Одна женщина в баре Дублина посоветовала мне сделать

это.

– Ты действительно хочешь записать эту историю на бумагу? Отослать в издательство? – я расслышала, несмотря на шум. Весёлые выкрики, музыка, топот ног. Бог мой, я готова была слушать их часами, как впрочем, и её, странную незнакомку в синем платье, подсевшую за мой столик пару часов назад, потому что моя мечта сбылась – я приехала в Ирландию!

– Да. Хочу. Ты против? Зачем тогда рассказала? Ирландка рассмеялась.

– Не против. За судьбу Грааля не беспокоюсь. Наоборот. Прочитают люди, поймут, не стоит брать в руки то, что не заслужил. Это не лепреккон, которого тряхнёшь за шиворот – он и желание исполнит, и золотым поделится. Правда, проклянёт вдогонку.

– Но? – чувствую: не договаривала она. Всегда есть какое-нибудь «но» или «и», словно булыжник на ровной дорожке: взялся откуда ни возьмись и всё норовит подножку подставить.

Собственно, я уже ничему не удивлялась после того, как спустилась с трапа самолёта; после того, как рыжий ирландский таможенник лихо стукнул печатью в паспорте и подмигнул с серьёзным лицом. Так что ни манера изъяснения собеседницы, ни внезапное решение поведать мне тайны, ни тому, что я её понимаю (или всё же она говорит по-русски), ни

тому, что из всех присутствующих в «Porterhouse» она выбрала меня, одинокую иностранку – ничто уже не смущало меня. Наоборот, любопытство только разгоралось ещё ярче.

И тогда она сказала:

– Так сделай это! Не оставляй на потом, чтобы забыть. Вот и всё «но».

Я задумалась. Опустила взгляд на щербатый стол из мореного дуба. Прокрутила в голове воспоминания последних событий.

О том, чтобы приехать в Ирландию, я спала и видела. Мечтала о том, как однажды ступлю на землю милой мне страны. Как воочию увижу этот зелёный край. Коснусь ладонью мягкой травы холма, нет – сида, самого настоящего входа в потусторонний мир. Ведь всем известно: в Ирландии, что ни холм – то место обитания богов и туатов, племён богини Дану, правивших Ирландией, а сама Дану – прародительница божеств кельтской мифологии.

Я представляла, как приеду на экскурсию в Ньюгрэндж, где, говорят, жил и правил один из детей Дану, Дагда. Храбрый воин. Добрый бог. Буду дышать воздухом, наполненным преданиями. Кто знает, думала я, может, увижу лебедей. Тех самых, в которых превращался сын Дагды – Энгус Ок и его жена Каэр, если верить старинным легендам. А я верила! И жаждала всеми помыслами, душой и сердцем попасть в стра-

ну клевера.

Можно верить или не верить в реинкарнацию, но, если что-то и есть в этом мире такое, – то определённо в прошлом я была ирландкой. Ну, или в предках моих затесался какой-нибудь выходец с Изумрудного острова. Иначе откуда тяга, откуда любовь к стране, к культуре, к мифам, к тому месту и к людям, которых видел только по телевизору или читал в книгах?

Невероятно, но факт: желания мои относительно путешествия в этот сказочный мир сбылись. И вот, воображая себя героем любимого фильма «Страна фей», я приехала на остров своей мечты.

Чтобы проверить, увидеть, понять, восхититься и запомнить.

Чтобы в первый же вечер встретить странную ирландку, поведавшую мне, именно мне, бог знает по какой причине, эту таинственную историю. Я бы назвала её версией.

Или, может быть, одной из версий о существовании чаши, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере.

Или одним из вариантов того, как обнаружили в Ньюгрендже – Ши-ан-Вру, культовое сооружение. Курган фей, как говорит кельтская мифология. В то время верили, впрочем, и сейчас тоже, что в ночь на первое ноября, в Самайн то есть, когда один год кончается и уступает своё место другому, феи выходят наружу. А ещё ходят слухи, что это и есть дом Даг-

ды и его жены Боанн. Или, точнее, «и» – это же отличный материал для рассказа!

– Ты права, – произнесла я, и тут же вскочила от изумления: напротив никого не было. Женщина исчезла! Мне казалось, что прошло всего лишь пять минут. Ну, может быть – десять я провела в воспоминаниях и раздумьях, неужели больше настолько, что ирландка ушла, не дождавшись моей реакции?

Ещё две недели приходила я в паб. Не каждый вечер, конечно: иногда уезжала из Дублина на несколько дней. Но, как только возвращалась в город, первым делом шла в «Porterhouse». Надеялась встретить свою таинственную собеседницу. Ведь она, судя по всему, об ирландском пантеоне знала гораздо больше, чем интернет. Но напрасно. Она пропала, и я бы стала сомневаться в существование женщины, если бы не её рассказ, который поселился в моей душе.

Что ж. Я вернулась домой и первым делом изложила его. Как и велела мне незнакомка – сделала это: поведала бумаге и всему миру ещё одну легенду.

Но даже спустя время, в минуту, когда я держу свою книгу в руках, один вопрос так и мучает меня до сих пор: почему я? Почему Несса выбрала меня...

Глава первая.

– Отец! Я считаю, ты несправедлив ко мне!

Дагда поднял хмурый взгляд на сына. Удивился. Почувствовал тотчас, как за спиной вздрогнула верная жена Боанн. И напряжённость невестки Каэр, что выглядывала из-за плеча сына тоже почувствовал, и дрожь в голосе Энгуса услышал – выходит, нелегко дались тому слова упрёка.

– Всегда знал, что от ребёнка, родившегося в день своего зачатия, нужно ждать неприятностей. Едва остановил солнце, и день продлился девять месяцев, сердце-вещун предсказало – не быть добру, грех! Он переплюнул в этом даже бабку свою, богиню Дану, – несть числа моим хлопотам, – проворчал в ответ и повернулся к Боанн за поддержкой:

– Несправедлив, ты слышала? Ещё сказал бы, что я и не поддерживал его никогда. А кто помог пройти испытания, когда тебя понесло добывать невесту для этого пройдохи, Мидира? Когда ему, видишь ли, вздумалось заполучить самую Этайн Эхрайде, дочь Айлилия, короля Улада? Кто помог расчистить двенадцать лугов? Проложить русла двенадцати рек? Кто дал, в конце концов, выкуп за девчонку? Может, стоило подождать, пока Этайн превратят в красную муху, глядишь, и кошель отца остался бы прежним? Я несправедлив, тьфу! Такова твоя благодарность, Энгус? Такова любовь к родителю?

#

– Я... – начал было тот, но Дагда уже встал с места, не собираясь выслушивать оправдания сына.

– А ты, Каэр? Может, не нужно было правителям Кон-

нахта идти войной на твоего папашу, чтобы добиться твоей руки? Пусть бы всё оставалось как есть. Ты – на озере, лебедем, Энгус – с нами. Кому охота, чтоб его дитя превратилось в птицу, хоть и по своей воле, хоть и по любви?

Невестка почтительно склонила голову. Но как только наступила тишина, выпрямилась и сказала:

– Всё так. И Энгус, твой сын, и я, его жена, благодарим за то, что стало нам доступно с твоей помощью. И несравненной Боанн. Но, Дагда! Мы всего лишь хотели сказать, что нет смысла в этих благодеяниях, ибо негде нам жить и размножаться, как того требует зов крови. Пока Энгус сражался плечом к плечу с воинами против моего отца, ты разделил сиды между детьми, позабыв о младшем сыне!

Дагда покраснел, Каэр продолжила:

– Ты знаешь, что с тех пор, как я сказала «Да», мы 12 месяцев провели на берегу прекрасного озера Бель-Драгон, в прозрачных водах которого отражаются старые дубы и омёлы, и не было нам дела ни до мирской суеты, ни до божьей...#

– Но каждый второй год, сразу после Самайна, – он прервал её взмахом руки – мол, знаю, знаю, – вы будете возвращаться в людское обличье.

– И тогда, наконец, сможем зачать детей, – закончила Каэр и улыбнулась. После развела руками, – но где, коли сида нам не досталось? Лебеди совыют гнездо на озере, но нет в нём места для людей.

Боанн радовалась разумным словам, и тому, что ни грозный тон, ни насупленные брови, не испугали жену любимого сына.

– Твоя правда, Каэр, – молвил Дагда, сбитый с толку. Почесал бороду, уставился на башмаки из конской шкуры, волосом наружу – и каждый золотился в солнечных лучах, – твоя правда, Энгус. Видать, в последней битве сильно я приложился, что остался без памяти. Надо было у четырёхглавого чудовища-фомора хоть одну башку для себя отрубить, про запас!

Вздыхнула Боанн с облегчением: не звучать больше гневным речам в чертоге – звучать нынче волшебной арфе, «древу двухголосому», в честь примирения. Наверное.

– Что ж, Энгус. Делить по-новому холмы между детьми не хочу и не буду. Но накануне Самайна, и пока не закончится праздник, уступаю тебе Ши ан Бру. Между Наутом и Даутом, лучший сид, что достался нам в наследство от пращуров, древних, как сама жизнь в этом мире, – бог раскинул руки, гордо обвёл священный зал, – он – твой!

– Отец, но...

– Не благодари. Негоже птицам вечно находиться в клетке, пусть в волшебной, но всё же в каменной. Ну, а недели пожить хватит. Верно, сынок? – Дагда подмигнул ему и хлопнул в ладоши: разговор окончен.

#

– Посмотрим, – упрямо прошептал Энгус и взял Каэр за руку. Пальцы юных супругов переплелись. Чуть слышно звякнула цепочка: появились путы серебряные из воздуха. Обвила, соединила запястья. Мгновенье, и растаяла, словно и не было её, а в небо взмыли две птицы. Два белых лебедя.

– Посмотрим... – звенел воздух.

Глава вторая.

Летом 1699 года приспичило графу Чарльзу Кэмпбэлу дороге строить. Созвал крестьян-должников, сыновей фермеров и велел камни с трёх курганов таскать. Да чтоб путь через лес, мимо хижины знахарки Шивон, до самой деревни пролег. На скорую руку сложили три лачуги для строителей. Соломой притрусил. Очаг наладили. Скамьи сколотили. Жёны обеда в котомках носить стали и сокрушаться: виданное ли дело, отрывать мужчин от земли в страду? Куда смотрят боги? Не иначе наслала чары на графа дочка ведуньи, Несса. Всем известно, что своей красотой колдовской пол-округи свела с ума. Досталось и лорду, и дружку его, Эдварду Ллуйду, английскому прихвостню, что погостить приехал летом. Сказывали, Грааль искать, ну-ну. Скорей лепрекон съест свою шляпу, нежели тот найдёт чашу.

#

И вот кружат, кружат вороньём вокруг лесной бестии, та только смеётся. Ну, этих не жаль, поделом кровопийцам знатным, а вот своих деревенских, что по уши вляпались, –

с теми как быть? Того ж Роури, сына кузнеца взять. На строительство сбежал. Затаился. Прячься-не прячься, а всем известно: собачонкой за бабой носится. А толку? Тягаться ли ему с богатством Чарли или с учёным мужем – видать, все мозги дождями смыло. Этим лето их столько было, словно все баньши в одном месте собрались, чтоб на триста лет вперёд наплакаться. Судачит народ, переживает за бедолагу, не станет ли посмешищем на беду родителей?

Роури слышал всё, плечами пожимал: что ему до пересудов, лишь бы Несса была счастлива. Лишь бы её не касались слова худые. А он и хулу снесёт, и тяготы телесные. К тому же, если вовремя поставить блюдечко с молоком на ночь у печи; если шепнуть слово ласковое реке; если уберечь лебедей, что прилетают каждую вторую весну, от охотников, бог Дагда услышит Роури. И народец иной, что из царства теней, племя Дану, непременно помогут сыну кузнеца!

#

* * *

По Ши ан Бру Дагда кругами ходит. Зубами скрежещет. Палицей стены вековые царапает. Как по маслу ножом – на плитах узоры проявляются, трислеконы, волны, зигзаги. Томит бога предчувствие. Дерзость сына, Энгуса, или ещё какая печаль сердце сжимает, грудь холодит?

– Боанн! – позвал подругу верную, без неё не справиться ни с тревогой, ни с замыслом, – пора!

#

Глава третья.

– Говорят, в долине нашей славной реки Бойн, есть курган. Тот самый Ши ан Бру. Кто найдёт вход, попадёт в гости к Дагде на пир древних королей и племён. Отведает яств из волшебного муриасского котла. Каждый получит пищу по заслугам: кому – дар волшебства, кому – бессмертие, кому – урожая на полях невиданного, а кому – ничего. Говорят, это и есть Грааль.

– Тьфу, на тебя, Роури! Скажешь тоже, Грааль! – возмутился каменщик Кормус О'Шил, – всем известно, из того горшка Дагда кашу ел овсяную. Сытно так, будто целого кабана проглотил. Эх, сейчас бы мне котелок такой! – придвинулся ближе к очагу с кружкой. Уши его причудливой, как у эльфа, остроконечной формы, шевелились в такт сварливым речам.

– Не слушай его, паренёк, – Сайрус МакЛерни, вдовый крестьянин с тяжёлыми вислыми усами, положил руку на плечо Роури. – Рассказывай дальше. С твоими сказками и живётся легче, и спится. Особенно после тяжкой работы. А тебе бы всё требуху набивать, Кормус! Что с нищего духом взять? Продолжай, Роури!

– Сбросит богиня Дану ночи плащ. Явится миру её народ. Зажгут священный огонь. Прочтут свои руны друиды. И прилетят на пир две птицы, чтобы спеть о любви. О том, как Энгус увидел прекрасную девушку во сне и влюбился

в неё так сильно, что стал мучиться от тоски, заболел. Тогда отец его обратился к мудрецу Бодбу за помощью. Отыскал тот незнакомку на берегу озера Бель-Драгон. Звали её Каэр, дочь Этала из Коннахта. Отказался он выдать замуж её за Энгуса. И короли-смертные, правящие Коннахтом, пошли войной на Этала и пленили его, чтоб узнать причину дерзости. Открыл несчастный секрет, поведал тайну семейную: нет у него власти над дочерью, потому что превращается она в лебеда каждый второй год от Самайна до Самайна.

Что ж, отправился Энгус к озеру сам, и увидел там белых лебедей. Стал он звать Каэр. Появилась прекрасная птица, по воде плыла одинокая. Обернулась девой на берегу, обещала прийти, если Энгус отпустит её на следующий день обратно к озеру. Согласился влюблённый сын бога, протянул к ней руки. Тотчас превратился в лебеда и соединился со своей любимой. Связала их любовь, цепочка судьбы серебряная. С тех пор – то людьми приходят, то прилетают Энгус и Каэр вместе к чертогам на реке Бойн, в сид Дагды. И поют свою песню. И пение их столь прекрасно, что все, кто слышат его, засыпают на три дня и просыпаются влюблёнными.

– Ха, Роури! А ты и без лебедей управился – влюбился. Осталось отвести туда девку, чтобы ей спели. Глядь, уже и твоей будет Несса! – съязвил Кормус. Ядовитые слова жгли, как змеиный укус.

Подскочил сын кузнеца. Вспыхнул, словно валежник на

костре под ведьмой. Взметнулся гнев языком пламени, будто из пасти дракона. Улетела в ночь кружка, выбитая одним ударом. Зашипел в ответ Кормус, да не стал затевать драку. Побоялся. Роури все любили, не сдюжил бы против них.

– Но знайте, если есть в душе помыслы нечестивые, – продолжил парень, успокоившись, – зависть, жадность или страсть тёмная, что толкает обладать чувствами, телом существа, любого сотворенного богами, против его воли, окрасятся перья лебедей в чёрный цвет, напитаются тяжестью грехов и падут птицы на землю, разорвётся невидимая миру цепочка судьбы, что в облике людей их связала. Окажутся птицы в разлуке. Исчезнет любовь. Поймут божества, кто пред ними явился страшной ценой.

– Эх, ладно складываешь, Роури, так напевно – в груди клевером луга расцветают, и пахнут так, что все феи Ирландии – мои, только не найти Ши ан Бру, не попасть на пир богов, – вздохнул Сайрус.

Глава четвёртая.

– Почему?

– Мне бабка сказывала, что послал Дагда свою подругу в верхний мир. Обернулась она рекой и охраняет тайные входы в курган. Потому Бойн из берегов выходит и топит всё вокруг, чтобы не шастал в сид кто попало. Вот и не найти его. Хотя... есть один способ. Раз в году Боанн возвращается в Ши ан Бру женщиной, когда наступают священные су-

мерки. Остаётся пока зимнее солнце не станет над землей, – пояснил Сайрус, укладываясь спать, – и сойдётся в схватке день с ночью. Хлынут на землю мертвые души, что вышли в Самайн, но не вернулись назад. Держать бой за победу, чтобы наступила Великая Темнота навеки вечные. Каждую зиму происходит Великая Битва. Но пока светило сияет в небе над зелёной страной, не бывать этому. И с позором волочат ноги злые силы обратно в иной мир. На рассвете лучи освещают чертоги Ши ан Бру, наполняют чашу золотом праздника.

– Вот это да! – выдохнул Роури.

– Говорят ещё, что однажды силы тёмные разбудят дух убитого великого Балора, короля фоморов. Чтобы победить добро и свет с его помощью да остаться на земле владыками. Готовятся племена Дану к схватке решающей, и согласны даже на союз с людьми. Болтают, что помощников Дагда себе ищет, ходит по свету. Мол, злой нужен, но, чтобы по своей воле помог. И добрый нужен, но, чтобы не знал о выборе. Вот и способ вроде найти Ши Ан Бру: стать помощником. Но как им стать, если ведать не должен? – задумался МакЛерни. – Старики болтают, что тот человек, который окажется там в утро после сражения, силу получит небывалую. После вынесет Боанн его наверх, возвращаясь в русло. Проводят до дому птицы белые, песнь их зазвучит сладко, как поцелуи. Но познает он печаль Дагды, что снова и снова расставался с любимыми на целый год.

– Брехня! Враки! – стукнул Кормус кружкой о стол, перебил рассказчика. – Сказано, бабы мелют. Что Несса, чертовка, что старуха твоя, Сай. Все знают, она спятила, когда в пещеру на берегу провалилась. Ты ещё скажи, что байка о том, как бог с подменышем договорился – чистая правда! И подарил Дагда триста лет человеческой жизни сверх отпущенного века подменышу, а тот взял и согласился умереть потом за добро в страшной битве. Ага. Давно я так не смеялся, Сайрус, живот заболел! На самом деле, забыл папаша выделить сид Энгусу, пока тот лебедем был. Вернулся сынок, да и выставил отца. Хитростью. Мол, пусти на одну ночь безвременья. Самайн кончился, Дагда пришёл, а наследничек ему – день и ночь и есть вечность, папаша. Так что буду жить-поживать, да добра наживать, а ты – как хочешь. И ушёл отец. Говорят, от удара такого неожиданного и обиды, стал гномом. Сидит у Бойна – никакая это не возлюбленная, самая, что ни на есть обычная речка – сидит, башмаки колотит. Кто его поймает, тому за свободу монет отсыплет и одно желание выполнит! Вот ведь Энгус, пройдоха какой, – восхищенно цокнул языком каменщик. Усмехнулся. – Считаю, не только отца, бога обокрал! Вот как есть говорю, не сойти мне с этого... – воскликнул, было, да не договорил, так и застыл на месте.

* * *

Дагда глянул с мукой на подругу верную:

– Пора!

Сущность откроешь Боанн,

Истину мира, боль.

Станешь рекой, в океан

Воды направишь, Бойн.

Будешь хранителем тайн,

И защитишь нас от войн.

Станешь рекой ты, Боанн,

Грозной рекою – Бойн, – и с последним словом пала Боанн на землю сотней брызг. Капля к капле, стеклись многочисленные ручьи, просочились на поверхность, выплеснулись волнами. Утекла сквозь пальцы бога, как песчинки времени. Скрыла Ши Ан Бру от мира. «До встречи...», – отозвалась эхом в сердце Дагды.

Глава пятая.

Небо напустило туману, скрыло долину, словно невеста фатой прекрасное лицо. Сочная трава вбирала молочное дыхание полей. На пригорке, куда ни кинь взгляд – изумрудное море. Морщится холмами, плещется волнами каменных гряд. Одну такую гряду заметил Роури на днях. Может, обрыв. Может, куча щебня, но скопление их, несомненно, удача. То ли по булыжнику собирать, то ли сразу – полную телегу!

Помощник уехал, гружённый, а парень принялся за де-

ло: тук-тук-тук киркой. Не ладится. Камни, плоские, гладкие – ни с места. И Падди тут не помощник. Только зря возле ног вертится пёсик, поскуливает. Чёрная шёрстка намокла от влаги.

– Шёл бы к теплу, а? – потрепал парень собаку. – Ничего со мной не случится!

#

Тук-тук! Сайрус... на днях предупредил Роури. Слова отпечатались в памяти, как в скрижалях: «Берегись, Корму-са, сынок. Затаил злобу, по всему видать. Подменыш он, как пить дать, к Шивон не ходи. Или того хуже. Фомор, а не человек. Только у них тела без руки, без ноги, а у этого – без души. Такой и для бога камень за пазухой найдёт». Юноша вздохнул. Кто ж о них не знает, существах этих, чудищах подземных: фоморах да подменышах.

Тук-тук! Одни – безобразные гиганты, у некоторых губища до груди достают, уши до плечей, одноглазые страшилища; половина их туловища здесь, другая – в потустороннем царстве, из которого черпают они свою силу и несут хаос.

Другие, подменыши которые, – ничуть не лучше. Этих нечистая сила оставляют взамен похищенных детей. Бывает, что и колоды дубовые подкладывают и с помощью чар придают им видимость живого дитя. Но чаще всего вместо младенца оставляют юного или совсем уже дряхлого фейри, от которого племени нет уже ни малейшего толку. Ох, как тот изводит несчастных людей постоянными капризами.

Хнычет, требует есть, пить, сам не растёт и не вылезает из колыбели. Доводит бедолаг до сумасшествия или могилы, а нечисть потом себе души забирает на забаву или колдовство какое, и у ребёночка украденного – тоже.

Тук-тук-ай! Упал молоток, попал по ноге Роури. Даже мысли о них к беде, не то, что встречи! Вот почему детишек велено крестить, едва только народятся. Чтобы защитить. Одно хорошо, у подменыша век недолгий становится – человеческий. Помрёт, как и все, да родичам его подземным без разницы – за одного никчёмного две-три души зараз получить могут. Если, конечно, нечестивец не придумает чего для своего спасения.

Тук-тук! Кормус... неужто вправду Сайрус за него молвил? Как застыл Кормус тогда, словно баньши увидел. А всего лишь тени причудливо сплелись, да у страха глаза велики. Трус – самый страшный зверь в природе. Пожалуй, страшнее и самой нечисти. Эх, нелегко Роури жить, оглядываясь в ожидании подлости, когда так хочется верить в лучшее!

Тук-тук! Несса... Ради неё парень готов на что угодно. Голод, холод, сражение. Подвиг любой по плечу. Эх, жаль, не участвовал в великой битве на Бойне* за свободу Ирландии. Не доказал храбрости и силы чувств. Только и остаётся, что надеяться на чудо: обратит на него внимание, подарит благосклонность красавица.

#

Невдомёк сыну кузнеца, что добрые дела его: хворост

для деревенской вдовы, хлеб для нищего у дороги, пересказ древних сказаний, которыми делилась с ним Несса – пусть маленькие, но поступки героя, человека смелого и неравнодушного.

#

Тук-тук-бамс! – кирка из рук выпрыгнула, будто лягушка в воду бултыхнулась. Вслед посыпалось каменное крошево. Плита, господи Иисусе, святой Патрик! Роури счистил мох, рукавицы снял, коснулся пальцами – сухая, тёплая. Со страху привиделось будто движется. Дышит, как грудь великана. Вдох-выдох. Верх-вниз.

Падди залаял звонко, запрыгал, зарычал, припадая на передние лапки. Юноша от неожиданности пошатнулся. Шаг назад. Другой. И... провалился.

Глава шестая.

#– Чтоб тебя! – чертыхнулся парень и задрал голову. Сверху в дыру заглядывал пёсик, наклонив мордочку. – Падди, дружок, скорей возвращайся на дорогу, встречай Сайруса. Приведёшь его сюда. Ты всё понял? Вот, молодец. Беги! – вздохнул с облегчением. И помощь будет, и не провалится животное вслед за хозяином.

#

Роури порылся в карманах и нашёл огарок. Ну, а трубка и огниво всегда при себе – ни один порядочный ирландец не выйдет без них из дома. Кто бы знал, для чего пригодятся!

Поднял повыше огонёк, огляделся.

– Фью-ить, – присвистнул. С первого взгляда казалось ему, не так уж всё и плохо. И совсем не страшно. До поверхности – футов пять, от силы шесть. Пожалуй, если найти здесь пару булыжников побольше, помощь может и не понадобится. Продолжил изучать дальше своё узилище насколько позволило слабенькое пламя. Оно дрожало и шипело. Роури чудилось, что испуганно вздрагивало, озираясь. Будто фейри, который только что вылез из холма на белый свет.

– Фью-ить, однако тут целая нора! – произнёс и поёжился. Вспомнил слухи о старой Фрей, бабушки Сайруса. В деревне твердили, что она выжила из ума, провалившись однажды на берегу в такую же щель. С тех пор она частенько бродила между домами, грозила неведомым врагам пальцем. Пророчила пришествие богов в скором времени и низвержение грешников в ад.

– Разрази меня Мак Лир, владыка морской... – прошептал юноша. Разглядел каменные стены туннеля, что вёл в непроглядную черноту. словно лаз гигантского змея между плитами. – Не иначе тут поработал какой-нибудь пука-великан, обернувшийся кроликом!

Он представил себе это животное и рассмеялся.

#

– Аха-ха-ха-ха! – раздалось в воздухе, и Роури подскочил на месте от неожиданности.

#

– Кто здесь? – он прислушался, но в ответ – тишина. Лишь сердца стук, лишь – дыхание. – Фу, святая Бригита. Ну, ты и трус, О'Кейли! Сидишь в яме, здоровая детина, один-одинёшенек, ясный день на холмах – смотри как солнце светит – и испугался паршивого эха! Закурю-ка я трубочку, глядишь, веселее станет, – разговоры вслух с самим собой успокаивали и отвлекали от страха.

Роури достал кисет. Спустя минуту уже шурился с блаженством, выпуская дым колечками. Представил, как вечером, в окружении друзей и просто знакомых работяг, за кружечкой эля у горящего очага, будет плести им небылицы и пугать страшными историями. О том, как встретил «красного человека», самого Фира Дирга*:

– У него раскосые глаза и сверкает они от голода и жажды дьявольским чёрным блеском. Я дал ему свою лепёшку, и он не тронул меня. А нос у него голубой и набрякший, как слива, да к тому же нет одной ноздри. Комзол и шляпа такие красные, как закат, что предупреждает о сильном ветре. На тулье и карманах вышито по цветку клевера. У него заострённые уши, как у нашего Кормуса.

«Нет, пожалуй, не буду дразнить каменщика, ну его. И так на меня пыхтит и булькает кипятком своей желчи», – решил Роури и продолжил в мыслях, – а уши у Фира, как эльфа или альвы*. Острые на руках когти, как у совы, что живёт в лачуге Шивон, и нет одной ноги, – разошёлся не на шутку в фантазиях и снова расхохотался.

#

– Аха-ха-ха-ха! – вторила с ним пещера.

#

– Тьфу ты! – выронил трубку невольный узник. Поперхнулся. Закашлялся.

#

– Кха-кха-кха-кха! – отозвалось подземелье.

#

Роури вздрогнул. Послышался топот. Он поднял взгляд к проёму:

– Сайрус, это ты? Падди? Ко мне!

#Только непонятный шум. Скрежет и сопение. Посыпалась земля сверху, и камень, тот самый, наверное, возле которого и провалился О'Кейли, сдвинулся с места. Закрыв отверстие. Секунда – и солнечный свет исчез. Зашипел огарок и пламя угасло, как надежда юноши.

#

* * *

Дагда подставил ладони дождю. Набрал влаги, коснулся её губами и, стараясь не расплескать, донёс до чаши. Вылил. Она в одно мгновение наполнилась до краёв. В зеркальной глади воды отразился лик Боанн.

– Здравствуй, любимая! Какие новости?

Взметнулся серебристый фонтан кверху, ударился о чертог и рассыпался тяжёлыми каплями у ног бога. Стеклась волшебная жидкость – и вот уже богиня рядом с мужем сто-

ит, в глаза ему заглядывает:

– Опасность, великий Дагда! Прости, не справилась! Упустила из вида – человек идёт. Накануне Самайна – беда: распознает он тайну нашу, на жилище укажет своему роду. Ни покоя нам не будет, ни мира!

Глава седьмая.

И пропал Роури. Искали всей деревней. Не нашли. Дождь в тот день обрушился с невероятной силой. Словно океан из туч выплеснул волны свои. Вода смыла следы. Напрасно Падди бегал от камня к камню и принюхивался. До ночи пёсик носился. После встал на пригорке, поднял мордочку и взвыл с отчаянием в лунную заводь неба.

Тогда Несса пришла в замок к графу за помощью. Кэмпбэл молча выслушал. Друг его, Эдвард, который учёный, напротив губы кривил в презрении: не хватало ещё время тратить на какого-то крестьянина. Сбежал, небось. Туда и дорога. Дева кулаки сжала. Тряхнула непокорной гривой цвета сосновой коры. Узкие глаза блеснули малахитом, ресницы стрелами взметнулись к бровям:

– Не Роури, так, может, Грааль найдёте.

Оживилась знать. Направился сэр Чарльз в английский гарнизон. Ирландцы зубами скрипели, да что делать, самим не справиться. До самого праздника бродили солдаты по холмам и даже Бойн пересекли не единожды. Не нашли.

#

Тогда Несса к Шивон пошла:

– Открой сундук, матушка. Достань зелья свои ведьминские. Спой песни, какие знаешь, хоть эльфийские. Принеси в жертву барашка самого лучшего. Обратись к духам. Спроси, где Роури? Ибо Фелим, отец его, сказал, что не потушит очаг в эту ночь. Дом чужим стал, но пока пламя будет гореть, не оборвётся род О'Кейли.

– Обезумел старый, – пробормотала знахарка, – или забыл, что нарушит тем обряд священного огня, что обязательно в Самайн прежний потушить надобно, дабы новый, чистый зажечь? Разгневаются боги и мир подземный, нашлют мор на людей и скотину. Будь по-твоему, узнаем правду! Мёртв его сын или...#

– Он жив! – перебила Несса и повторила со страстью, ей несвойственной. – Жив! Только где он?

Растаял лёд в сердце девушки, видно. Отступил холод в душе.

#

Не только она и кузнец потеряли покой. В груди Сайруса МакЛерни с тех пор как пропал Роури пёком печёт: будто он нечисть какая и осиновым колом пронзён. Уж корил себя и ругал последними словами, что оставил юношу одного. Не одну тарелку разбил, не одну кружку раздавил в руках, сжимая, – так велико его горе.

А, если кто и встречал Самайн с улыбкой, так это паршивая овца в стаде, Кормус О'Шил. И скорее то гримаса была

зловещая. Словно знал что о парне. И скрыл.

Глава восьмая.

«– Веришь ли в могущество природы, в существо её каждое и явление, будь то зной или снег, рыба иль олень?#

– Верю.#

– Веришь ли в защиту магии, как в саму себя? Будь ты девочкой несмышлёной или девушкой желанной, женщиной мудрой или старухой безобразной?#

– Верю.#

– В узлы вплетена карта жизни. В обереге – единство стихий. Тот, кто носит его не подвластен тьме. Возьми.

– Предчувствие мучит. Умру скоро. За мальчика боюсь, – пояснила женщина. Поклонилась. – Благодарю тебя, Шивон.

– Мне-то что, Ифа. Сына береги. Уготована судьба ему непростая. Большого сказать не могу, не проси. Но, там, где ты не сможешь – амулет сбережёт», – видит Роури свою мать. Слышит слова обряда. Вспоминает.

#

До войны дело было. Бежал он за родительницей тайно. Страх и любопытство терзают, как голодная собака – кость. Кормус сказал, что пошла Ифа к целителю, Махрагу. Он – как есть гном старый или того хуже – ведьмак злой. Заведёт в затерянный грот. Заставит смотреть в заколдованное зеркало. Подсунет вино отравленное из вишни, что растёт на заброшенном кладбище. Сгинет мать ни за что. А она свер-

нула на тропинку, что к знахарке ведёт. Понял Роури – посмеялся над ним О'Шил, в который раз. Чтоб Фуанмах, колдунья древняя, родом из богов, Кормуса в муху превратила, как в старой легенде! Разозлился, да поспешил. Ноги в траве запутались. Упал, покатился вниз.

– Мама! – закричал тогда. И очнулся.

#

Глаза открыл, груди коснулся. На месте оберег Шивон – серебряный крест, заключенный в круг, слава всем духам. Сколько уже он в яме, не знает. Пить хочется. Дышать тяжело и свечи уже нет. «А ты всё лежишь, словно дева юная на соломе, О'Кейли! Неужто до самой смерти собрался бока мять?» – укорил себя по обычаю, чтоб взбодриться. Решил в путь тронуться, куда бы его не привёл. И дюйма не прошёл, как полетел головой вперёд, споткнувшись о корягу. Руками пошарил, обомлел: неужто факел на земле обронил кто? Что за чудо? Неужто фейри смилостивились? Чёрный лаз по их меркам скроен – не более ярда в ширину, не более полтора – в высоту. Так и двигался в полусогнутом положении. Лишь достигнув пещеры неизвестной, выпрямился. Осветил форму её крестообразную. Потолок возвышался от краёв к центру, словно купол храма, а посередине – алтарь. Чаша рядом. Каменная.

#

– Ши ан Бру... – выдохнул Роури. – Ши ан Бру!

#

Глава девятая.

– Опасность, Дагда! Упустила из вида – смертный идёт. Распознает он нашу тайну.

– Не терзай себя понапрасну, Боанн. Не впервой встретаться с людьми. Это знак, верно тебе говорю.

Не об этом ли пророчили руны:

«Час придёт, Ши ан Бру откроется миру.

И появится муж достойный.

Помощь в битве великой, зимней

За весну и солнце над Бойном».

Вот он, ключ к победе!

«Если явится жадный, трусливый и злой,

Если лебеди станут тёмными,

Человека – убить, чтоб цепочки звено

Птиц связующей вдруг не лопнуло!».

#

– Энгус Ок разглядит ли нечистого на руку, слабого на соблазны духом? – не сдавалась Боанн, сомневалась. – Не превратится ли герой в жалкого вора? Проиграем тогда сражение.

– Не посмеет! Убоится возмездия. Да и вообще, жена, что возможно украсть у бога? – Дагда подбоченился с гордостью. – Арфу? Так она меня только слушается. Палицу? Разве кому под силу унести её? Да в землю войдут по грудь под тяжестью. Или, может, котёл? В чужих руках превратится он

в дырявый. Что можно украсть у бога...

#

– Веру! – раздалось вдруг, словно гром в воздухе.

– Веру людям. Деяниями своими мы её разрушить можем.

Похитим, заменив на боль и разочарование, – прозвучал в чертогах голос Роури. – И, если нам бояться чего, то не наказания! Не того, что гореть в аду, а того, что грех каждого из живущих, капля за каплей соберётся в море и затопит оба мира, и людской, и подземный. Когда грешим, мы не себя обкрадываем, – бога!#

Закончил сын кузнеца и испугался: он вмешался в беседу могущественных особ? Как случилось, что он видит их, слышит? Или уже наступил Самайн, Священная ночь, что стирает все границы, между мирами, между людьми и богами? Или он сходит с ума, как старая Фрея?

#

– Веру, говоришь... может, и прав ты, – обошел с одной стороны Дагда алтарь. А с другой стороны Боанн обошла. Прикоснулась ко лбу юноши рукой, оставила на коже утреннюю росу – поцелуй материнский.

– Не пугайся, ты же слышал всё, – прожурчала рекой в ответ на мысли Роури, – значит, знаешь правду. Посмотри в лицо истине: ты не сошёл с ума. Ты появился, чтобы помочь нам. Отбрось страх и сомнение, встань плечом к плечу с нами и получишь дар в благодарность. А какой – определит сама чаша по твоим делам.

И растерялся парень – не каждый день разговариваешь с богами. И заманчиво как: Самайн с ними встретить и сразиться с тёмными душами в день зимнего солнцестояния за добро, за свет. Хотел быть героем в глазах девушки – получи. Хотел найти Ши ан Бру – сбылось. Хотел раскрыть тайну Грааля – и здесь может всё сложиться. Так что тревожит тебя, О'Кейли? Почему так тяжело, словно каши наелся из земляных червей с мёдом, почему в душе – кипящий котёл? Не потому ли, что, почитай, два месяца быть в разлуке с отцом? Убьёт кузнеца тоска по сыну. А Несса, как без неё? Недолго раздумывал Роури. Поклонился:

– Разделю с вами радость праздника. С головой нырну в безумный шторм предстоящей битвы. Лишь прошу об одном. Позвольте вернуться после ночных обрядов Самайна домой. Не боюсь опасных теней и внезапной смерти, но хочу разделить это время до боя, до солнца декабрьского с семьёй. Попрошаться.

– Быть посему, – ответил ему бог.

– А теперь смотри, – сказала Боанн юноше. Подняла руки вверх, развела ладони. Задрожали, повинуюсь, чертоги, растаяли, словно туман под утро с первыми лучами. Повевало осенним холодом. Ночь пришла юная, свежая, будто невеста. Дышит Ирландия полной грудью. Повсюду музыка, многоголосье людское, мычание скота.

Подлетели два лебедя, ударились оземь. Появились из белых перьев Энгус и Каэр, ни одно не почернело. Улыбнулся Дагда – сбывается пророчество. А Роури, наоборот, нахмурился, спросил богиню шёпотом:

– Правду ли говорят, что он вернулся на мгновение, а остался на...#

– В Самайн ночь и день означают вечность, потому как наступает безвременье, сказал тогда Энгус, – ответила она, не дослушав. – Мудрый Дагда признал справедливость такого суждения и оставил сына здесь навсегда. Что ж, ступай за нами, человек.

#

Шагнул он на траву шелковистую вслед за богами. И раскрыл глаза, уши, чтоб запомнить и впитать всем существом своим, всей памятью, праздник нынешний.

И ведь было с чем сравнивать юноше. Как в деревне: всяк сидит по домам до поры, до шествия. Ни плошки не горит, ни свечи. Только после – с факелами вокруг шастают. Потом очаг зажигают. Рядом скамью новую ставят, для покойников, что придут навестить. Вспомнят о них только хорошее, да сплетни о соседях, новости расскажут. За порог воды не выплеснуть, да и дверь запереть нужно накрепко. По комнатам – разложить листья дубовые, жёлуди, корень мандрагоры. Если вышел наружу – не оглядывайся. Чувствуешь силу потустороннюю – нужно сплунуть три раза, да преподобному на утро покаяться. А кто бежит к знахарке. С поля брани

череп притащит, желательно солдат английских. Заговор на них прочитает Шивон, отпугнёт он нечисть разную.

Но то ли дело здесь и сейчас – пир горой. Кругом шкуры на земле, посуда на них разная, полная еды и питья. Тут и рагу в горшках с репой, луком, морковью. Потроха шкворчат на сковородах, дымно, ароматно. Туши – от зайчатины до быка – на вертелах жарятся. Сок с них капает на угли, шипит. По кубкам терпкое вино, горький эль, мёд льётся. По краям – зерно в мисках, чистое, отборное, золотом блестит. Каштаны, орехи, яблоки. Славься, урожай! Здравствуй, год новый, и пусть каждый прожитый будет хуже грядущего.

Кругом люди в одеждах светлых, нарядных. Ожерелья, браслеты, кулоны сверкают обсидианом, источают ароматы коры дубовой. Звенят кольчуги – то воины славные соревнуются. Смеются звонко девы у шатров с ведьмами, на суженого гадают по яблокам. Закружилась голова у Роури: смешение нравов, времён, традиций – вот что такое Самайн настоящий. Остановилось вращение Вселенной. Открылись на миг тайны миров, соединились мёртвые с живыми...

#

* * *#

Дагда шёл по коридору подземному. Под ногами переливалась серебристым ручьём Боанн. В конце увидели тело юноши. На виске кровь запеклась чёрная. Рядом лежит коряга старая, от древности своей твёрже гранита.

Глава десятая.

Боанн присела рядом с телом юноши. Погладила лоб ласково. Достала из шуршащей, словно ливень, одежды склянку.

– Погоди, – остановил Дагда. – Тут живая вода Бойна не поможет, – тут со Временем договариваться нужно, с глаша-таем мироздания.

– Договариваться? – изогнула бровь жена, намекая на могущество супруга: как однажды остановил он вращение Колеса*, чтобы девять месяцев превратилось в один день.

– Велико искушение нарушить клятву и вступить в борьбу, чтобы доказать силу. Только Роури это ни к чему. Пусть повернётся время вспять по доброй воле, – задумался Дагда, бороду пятёрней прочесал, утвердился в решении. – Нет, только миром.

Палицу из руки в руку перекинул:

– Ну, а, если кочевряжится будет, как фомор паршивый, возьму за грудки, куда деваться. Он хоть и мнит из себя равнодушного к делам нашим, чтобы баланс сохранился, да только выбор такой может фатальным оказаться.

– Вспомнит ли Роури о долге, вернётся ли? – засомневалась Боанн.

В ответ Дагда коснулся оберега О'Кейли. Замерцал крест мягким светом. Вспыхнул крошечный изумруд под пальцами, сел в серединку амулета, как влитой.

– Вспомнит, – сказал бог.

* * *

Сколько дней минуло, с тех пор как Роури едва не провалился под камень? Не помнит. Уж и Самайн прошёл с его мрачными обрядами; уж и дорогу для графа закончили; первый снег покрыл матушку-Ирландию кружевной фатой, будто лицо девочки перед первым причастием; поднимается к небу дым из труб, разносит по полям кислый запах торфа. Явилась старуха Кайлех, трясёт рваным подолом. И душа сына кузнеца мечется, что старая ведьма, кричит раненой птицей. Приходят сны беспокойные, каждый раз пыткой мучительной, едва веки прикроет. Страх липкий сжимает в своих холодных объятиях. Словно паук оплёл паутиной, колючими лапами перебирает – больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.